

Профессиональные объединения научных работников в советской России (1918–1928 гг.)

Г. А. Петаченко,
доцент кафедры истории России,
кандидат исторических наук,
Белорусский государственный университет

С целью ускорения процесса адаптации профессорско-преподавательского состава к новым экономическим и, в особенности, политическим условиям деятельности высшей школы партийно-государственные органы пошли по пути создания их профессиональных объединений. Такого рода объединения рассматривались как форма проникновения политических взглядов советской власти в высшую школу для формирования нового советского ученого.

Еще до выработки важнейших принципов целенаправленной политики новой власти по привлечению ученых к сотрудничеству сложились определенные формы их объединений, в том числе и объединений профессионального характера. Среди них большим влиянием пользовался Союз ученых учреждений и высших учебных заведений, история создания которого начинается с апреля 1917 г., когда в Петрограде возникло постоянное Собрание представителей ученых учреждений и вузов. Его возглавил президент Академии наук А. П. Карпинский. Собрание оформилось к ноябрю 1918 г. в Объединенный союз ученых учреждений и высших учебных заведений. Исполнительным органом являлся Объединенный совет, в состав которого предполагалось принимать как государственные,

так и частные научные учреждения и ученые общества, объединяя их в секции. С начала 1919 г. Союз развернул активную деятельность в Петрограде и Москве. В феврале 1920 г. в его правление входили А. Л. Апатов, С. А. Бруштейн, А. А. Иванов, А. П. Карпинский, Б. Н. Одинцов, С. Ф. Ольденбург, П. С. Осадчий и др.

Согласно уставу Объединенный совет имел весьма широкий круг задач организационного, научного и профессионального характера, ставя своей целью развитие науки, искусства и высшего образования в России. Работали секции научных учреждений и обществ, вузов университетского типа, специальных вузов, а с 1920 г. – секция научных деятелей. Изначально Объединенный совет занимался научно-организационными вопросами, затем в нем стали преобладать вопросы профессионального характера, а также общие проблемы науки и высшей школы. Одним из важнейших направлений его деятельности являлось обеспечение научных работников продовольствием и защита их прав от произвола местных властей.

Схожими вопросами занимался Профессиональный союз профессоров и преподавателей высших учебных заведений Москвы, созданный в 1918 г. и зарегистрированный нотариальным отделом Московского городского Совета. Получив статус юридического лица, объединение могло на законных основаниях производить закупки продовольствия и отстаивать жилищные права членов организации. Тем самым оно стремилось решать наиболее важные вопросы повседневной жизни научных работников в период Гражданской войны. С 1920 г. Профессиональный союз профессоров стал называться Союзом научных деятелей. Председателем правления Союза был избран профессор А. Н. Ясинский [1, с. 159].

Успешная деятельность этих двух объединений вызывала тревогу у партийного руководства, считавшего, что они претендуют на особую роль в судьбах научной интеллигенции. С целью ослабления их влияния в среде ученых на 2-м Всероссийском совещании коммунистов-работников просвещения, проходившем в июле 1919 г., было высказано предложение о создании профессиональной организации ученых под руководством партийных органов – Всероссийского профессионального союза работников просвещения и социалистической культуры (Всеработпрос) [2, л. 10]. Однако участники Петроградского и Московского объединений научных работников отказались вой-

ти в состав Всеработпроса. Причиной послужили идеологические разногласия, формально выразившиеся в нежелании принимать устав организации, где в первом пункте говорилось о диктатуре пролетариата.

Очередной серьезный поворот в отношении власти к независимым научным объединениям произошел в начале 1921 г. в период принятия нового устава высшей школы. Объединенный совет и Союз научных деятелей выступили в защиту принципов автономии высшей школы. В заявлении Союза научных деятелей под названием «Грозная опасность русской науке» университетская реформа оценивалась «как совершенное упразднение свободы научного преподавания и даже исследования». Союз объявлял «принцип диктатуры абсолютно неприемлемым». Его руководители оперировали понятиями «нравственной независимости» ученых, что было расценено партийным руководством как антисоветская деятельность [3, с. 160].

Как следствие, 26 марта 1921 г. Президиум Центрального комитета профсоюза работников просвещения (Цекпрос) информировал руководство Союза научных деятелей, что согласно постановлению ВЦСПС образована комиссия для изучения его работы. Председатель правления Союза А. Н. Ясинский в ответ на это обращение заявил представителям Цекпроса, что Союз не желает вступать во Всеработпрос «ввиду принципиальных расхождений с уставом», в материальной поддержке не нуждается и вообще является научной ассоциацией [4, л. 1]. В ответ на это заявление политбюро ЦК РКП (б) создало специальную комиссию из представителей Наркомпроса, ВЦСПС и ВЧК. К ее работе был привлечен А. М. Горький. Ознакомившись с уставом и делопроизводством Союза, выслушав на своих заседаниях в апреле его руководителей, а также председателя Московского губотдела Всеработпроса С. И. Мицкевича, рассмотрев документы, представленные Моссоветом и Цекпросом, комиссия пришла к заключению, что «требования Союза клонятся к явному нарушению декретов Советской власти, и потому он должен быть распущен как учреждение по своим тенденциям антисоветское и не подчиняющееся нормам, которые советской властью признаются обязательными» [5, с. 3]. На основании материалов комиссии 8 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) вынесло решение о роспуске Союза научных деятелей, и 26 апреля ВЦСПС и Наркомпрос РСФСР закрыли Союз.

Роспуск московского Союза научных деятелей стал серьезным ударом по позициям научной интеллигенции, пытавшейся сохранить определенную независимость от партийно-государственных структур. Тем более, что советские органы в апреле 1921 г. продолжили попытки объединить научных работников вокруг Всеработпроса. Центральный комитет Союза утвердил положение о Секции на-

учных работников. В нем отмечалось, что цель создания этой организации заключалась в необходимости «правильной постановки научных исследований».

Характерно, что позиция руководителей Наркомпроса РСФСР в отношении деятельности Объединенного совета, которая наиболее остро обозначилась летом 1921 г., не была единой. Мнения наркома А. В. Луначарского и его заместителя М. Н. Покровского на этот счет разошлись. В ответ на запрос Н. П. Горбунова (по поручению В. И. Ленина) относительно Объединенного совета М. Н. Покровский в письме от 8 июня 1921 г. высказался против того, чтобы его «поддерживать и культивировать», так как Объединенный совет выполняет «работу, параллельную работе государственного аппарата, притом без всякого контроля со стороны последнего. Более того – отгораживается от советской власти» [6, л. 8]. М. Н. Покровский обращал внимание В. И. Ленина и на тот факт, что «Совет представляет собой попытку расширения университетской автономии до таких пределов, каких она никогда ранее не имела в России».

В свою очередь А. В. Луначарский, признавая, что Объединенный совет – «вообще нежелательная цитадель правой профессуры», тем не менее, предлагал «повременить» с его роспуском. Он мотивировал это тем, что, во-первых, нет юридических оснований (Совет не является профсоюзом), во-вторых, «не хотелось бы сейчас раздражать петербургских профессоров и пойти на новый конфликт с ними, в то время как идущая сейчас конференция открывает перспективы сносного сотрудничества» [6, л. 36].

СНК РСФСР располагал данными о не вполне лояльных позициях Объединенного совета (об этом, в частности, говорилось в аргументированном письме заведующего Петроградским ОНО Н. Кузьмина, полученном Управлением делами СНК 2 июля 1921 г.) [7, с. 197]. Тем не менее его руководители заверяли, что объединение не преследует узкопрофессиональные цели. И организация была сохранена в целях сближения с определенной частью научной интеллигенции: партийное руководство пошло на компромисс, так как в этот период еще не было в состоянии самостоятельно решать проблемы ученых.

События начала 1922 г. показали, что Совет не пошел на уступки властным органам в процессе осуществления административной реформы, связанной с введением в вузах первого советского устава высшей школы. Общее собрание 26 января 1922 г. приняло резолюции по вопросам, связанным с введением нового Положения о вузах, государственном снабжении и финансировании высшей школы. В них прозвучали обвинения в «нажиме» на вузы. Кандидатам, намеченным профессорскими и преподавательскими коллегиями, давалось прямое указание

в случае не выполнения хотя бы одного из условий Совета «не принимать на себя обязанностей ректора и членов правления». Ученых призывали отказываться от вступления в советские профессиональные союзы. Совет рекомендовал своим членам «стойко отстаивать свое право на добровольное вступление в члены профсоюза и решительно отвергать распоряжения союзов о коллективном включении их в число членов» [8, л. 70]. Партийное руководство расценило это как призыв к саботажу. Этой акцией и закончилась история Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений – последнего сохранившегося с дореволюционного времени профессионального объединения профессуры и научных работников.

Причина того, что Объединенный совет и московский Союз научных деятелей не стали советскими организациями, заключалась в их неприятии политики власти в области высшей школы. Их состав оставался практически неизменным с весны 1917 г. и до ликвидации обеих организаций в 1921–1922 гг. За указанный период в них не было зарегистрировано ни одного коммуниста, а все члены были неподконтрольны партийному руководству.

Ликвидация крупнейших Московской и Петроградской корпораций научных работников и профессуры заставила многих переосмыслить свои личные «вехи». Выбор жизненных, творческих, политических принципов значительно сузился, поскольку не осталось альтернативы, а проведенная высылка за границу представителей интеллигенции наглядно продемонстрировала репрессивные возможности власти. С учетом этих обстоятельств, возможно, ликвидация Объединенного совета, как и роспуск московского Союза научных деятелей, не вызвали обещанных «выступлений» ученых в защиту своих организаций. Несмотря на ликвидацию независимых объединений научных работников Москвы и Петрограда, понадобилось несколько лет, чтобы завершить профессиональное объединение ученых на новых идеологических основах.

Отношение к путям и формам профессионального объединения у руководителей Наркомпроса РСФСР и Всеработпроса было различным. Разные точки зрения столкнулись уже на пленуме Цекпроса в апреле 1921 г. Информация о роспуске Союза научных деятелей придавала остроту спорам. М. Н. Покровский, Ф. В. Кипарисов (председатель Цекпроса), Б. Г. Козелев и Г. О. Гордон поддерживали предложение ВЦСПС о создании профессиональной организации, которая бы сцементировала, по образному выражению М. Н. Покровского, всех ученых. Он предложил и сам термин «научный работник» для названия организации. Однако представители «левой» профессуры выразили свою обеспокоенность в связи с созданием такой организации, так как по-прежнему не оставляли надежды на проявление самостоятельности в создании корпоративных организаций.

Процесс создания Секции научных работников (СНР) осуществлялся в несколько этапов.

Первый – организационный – характеризовался формированием структуры профсоюза, включал подготовку к съездам ученых. Одновременно решались проблемы материального положения ученых путем систематизации данных об оплате их труда, выработки основ тарифной политики и т. д. Решением этих вопросов занималось временное Центральное бюро СНР (июнь 1921 г. – июнь 1923 г.). В его состав вошли К. А. Тимирязев (председатель), С. А. Новиков (секретарь). Позднее Центральное бюро пополнилось В. П. Волгиным, Ф. В. Кипарисовым (ответственный секретарь), С. И. Мицкевичем, В. И. Невским, Н. Н. Славяновым, Н. М. Федоровским, О. Ю. Шмидтом [9, л. 1]. На заседании 21 июня 1921 г. обсуждались вопросы материальной помощи ученым, и с июля 1921 г. СНР стал заниматься распределением так называемых «академических пайков». Создание секций на местах имело тот же механизм, что и в центре: инициативные группы ученых или временные органы готовили и организовывали конференции научных работников города, области, края, республики. На съездах создавались секции и их выборные исполнительные органы.

Если в регионах РСФСР и в союзных республиках процесс создания СНР проходил относительно спокойно, то в Москве и Петрограде продолжали сказываться последствия влияния прежних профессиональных организаций. Например, в Петрограде, где в 1921 г. в секцию научных работников вступило не более 150 человек, к ним их коллеги относились как к отщепенцам. В Москве бюро секции сформировалось 20 ноября 1922 г. (председатель Ю. В. Сергиевский). Оно начало свою деятельность с составления записки в СНК РСФСР о тяжелом материальном положении работников вузов и научных учреждений. К весне 1923 г. московская секция СНР насчитывала свыше 1,5 тыс. человек, но многие ученые и преподаватели по-прежнему воздерживались от вступления. Можно выделить две основные причины их отказа от вступления в СНР. Во-первых, научные работники Москвы и Петрограда имели возможность совмещать несколько работ, что повышало их финансовые возможности. Во-вторых, корпоративная этика столичных научных работников не позволяла им после закрытия в этих городах независимых объединений сразу войти в состав советского профсоюза, даже несмотря на сложное материальное положение.

Постепенно к лету 1923 г. движение приняло более массовый характер – было организовано 25 местных секций, и даже в Москве и Петрограде секции объединили 60–70 % ученых. Это дало возможность созвать в Москве 6 июля 1923 г. Всероссийское совещание секций научных работников. На нем присутствовали представители 16 секций из 25. В ходе

работы обсуждался наиболее важный вопрос о разграничении сфер деятельности с другими союзами. Было принято решение, что все научные работники, независимо от их специальности, должны входить в секцию научных работников.

Данное решение подготовило почву для второго этапа профессионального объединения ученых, начало которому положил I Всероссийский съезд научных работников, проходивший 23–27 ноября 1923 г. в Москве. На нем обсуждались не только вопросы материального положения, но и организационные вопросы, связанные с взаимодействием СНР с ЦЕКУБУ и Главнаукой, а также культурно-просветительные функции секций научных работников. В ходе работы съезда был избран его руководящий орган – Центральный совет СНР. Профессиональное объединение получило юридическое закрепление.

Таким образом, второй этап в профессиональном движении научных работников, который можно ограничить 1923–1928 гг., свидетельствовал об активной адаптации ученых к политике и идеологии советского государства. Для этого периода характерен быстрый рост СНР: если в ноябре 1923 г. она насчитывала 8 тыс. членов, то уже к середине 1926 г. в ее состав входило 94,3 % от общего числа научных работников РСФСР [10, с. 224].

Сложное материальное положение ученых и преподавателей высшей школы вынуждало их сотрудничать с СНР, руководство которой демонстрировало возможность и способность секции представлять и защищать их интересы. Как отмечалось в советской историографии, постепенно секции научных работников становились центрами делового и организационного сближения, в ходе которого шло перевоспитание ученых в духе социализма.

Научные работники, вступившие в советские профессиональные объединения, были тем самым подведены к признанию легитимности власти и проводимой ею политики. Профессорско-преподавательский состав высшей школы, несмотря на внутренний политический нонконформизм многих его представителей, как бы обязывался «воспитывать, организовывать культурно, политически, поднимать ... массы до уровня коммунизма, подготавливая их к роли творцов коммунистического строя, создаваемого Советским государством как исторически сложившейся формы пролетарской диктатуры» [10, с. 224]. И лишь некоторая часть «старой» профессуры (например В. И. Пичета) могла себя ощущать «пролетариями умственного труда» и со «страстностью отдаться делу строительства новой пролетарской школы» [11, л. 21об. – 22].

Таким образом, после закрытия независимых объединений научных работников Москвы и Петрограда и создания в 1921 г. Секции научных работников, ставшей по существу безальтернативной организацией, в руках государства оказался мощ-

ный рычаг воздействия на лояльность профессорско-преподавательского состава высшей школы. С организацией подобного по целям и функциям профессионального объединения, находившегося под полным контролем со стороны партийно-государственных органов, научные работники получили ряд экономических (материальных) льгот – возможность получения продовольственных пайков, санаторно-курортного лечения, публикации научных материалов и т. д. Тем самым были созданы условия для полноценной научно-педагогической деятельности, которая для большинства ученых «старой» формации представляла первостепенную ценность. Членство в СНР обязывало научных работников принимать участие в проведении идеологической работы с различными группами населения (например, участвовать в антирелигиозной пропаганде), что само по себе пролетаризировало как поведение, так и образ мышления. В целом на протяжении 1920-х гг. научное сообщество поэтапно утрачивало возможность самостоятельно решать какие-либо вопросы, связанные с высшей школой, возможно формально, но, тем не менее, в реальной своей деятельности приняв идеологические принципы и установки советской власти и руководствуясь ими.

Список литературы

1. Богданов, С. К истории объединения московских научных работников / С. Богданов // Научный работник. – 1925. – № 2. – С. 157–160.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд 5462. – Оп. 1. – Д. 23. 2-е Всероссийское совещание коммунистов-работников просвещения.
3. Лобода, Н. И. Профессиональное объединение научных работников / Н. И. Лобода // Научный работник. – 1925. – № 1. – С. 160–168.
4. ГА РФ. – Фонд 5462. – Оп. 3. – Д. 124. Председатель правления Союза А. Н. Ясинский.
5. Постановление о закрытии союза научных деятелей / Известия ВЦИК. – 1921. – 29 апр. – С. 3.
6. ГА РФ. – Фонд 130. – Оп. 5. – Д. 144. Письмо управления СНК Н. П. Горбунову.
7. Купайгородская, А. П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) / А. П. Купайгородская // Власть и наука, ученые и власть: 1800-е – начало 1920-х гг.: материалы междунар. науч. colloквиума / отв. ред. Н. Н. Смирнов. – СПб.: Д. Буланин, 2003. – С. 185–201.
8. ГА РФ. – Фонд 7789. – Оп. 1. – Д. 38. Постановление Объединенного совета научных работников.
9. ГА РФ. – Фонд 5462. – Оп. 3. – Д. 127. Выписка протокола заседания правления ЦБ СНР.
10. Иванова, Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927) / И. В. Иванова. – М.: Наука, 1980. – 392 с.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. – Фонд 147. – Оп. 2с. – Д. 11. В. И. Пичета. Мое общественно-политическое credo.